

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Мрак
под солнцем

ЭКСМО

Чингиз Абдуллаев
Лучше быть святым

«PEN-клуб»

1994

Абдуллаев Ч. А.

Лучше быть святым / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1994

Кому выгодно устранение членов секретной спецгруппы, о которой в России не знает практически никто? За что задержан многоопытный генерал – руководитель этой группы? И почему убивают людей, с которыми он говорил незадолго до задержания? Генерала не обвиняют ни в чем – с ним просто пытаются наладить контакт, уверяя, что только он может помочь в раскрытии серии загадочных преступлений. Его пытаются убить. Но – кто? Почему? Он собирает своих товарищей и начинает собственное расследование. Он ищет ответы на вопросы – и рано или поздно найдет их. Или – погибнет?..

© Абдуллаев Ч. А., 1994

© PEN-клуб, 1994

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чингиз Абдуллаев

Лучше быть святым

= Автор предупреждает, что данный материал не может быть использован на суде в качестве свидетельских показаний.

Туз бьет шестерку...

Туз бьет десятку...

Туз бьет короля...

Туз больше любой карты.

Козырная шестерка бьет туза.

Правило карточной игры в «дурака»

Он почувствовал ведущееся наблюдение каким-то шестым чувством профессионала. Внешне все было спокойно, но тяжелый взгляд на затылке он ощущал почти физически, подсознательно отмечая и регистрируя каждую деталь в своем окружении.

Во дворе все было как обычно. У пожарной лестницы двое ребятишек играли в мяч, на ближней скамейке беседовали давно знакомые старушки. Его автомобиль стоял третьим в первом ряду. Но сегодня ему определенно что-то не нравилось. Что-то такое произошло, нарушив общую картину городского двора. Замедлив шаг, он все-таки огляделся. Никого не было видно, однако из окон соседнего дома за ним определенно наблюдали, в этом он был убежден абсолютно. Причем наблюдал профессионал, сумевший выбрать подобное укрытие. Сентябрьское солнце было достаточно сильным, чтобы, отражаясь в стеклах соседнего дома, бить ему прямо в глаза, не давая возможности разглядеть находившегося или находившихся на лестнице наблюдателей...

Он еще раз осмотрелся. Все-таки что-то его беспокоит. Но внешне все на месте, все как обычно. Он медленнее обычного пошел к своему автомобилю. Его «шестерка» стояла на обычном месте. Вчера он сам поставил здесь автомобиль и теперь безошибочно определил свою манеру припарковки по вывернутому влево рулю. Значит, его машину не трогали. Он обошел ее с другой стороны. Никаких следов взлома или повреждений. Нет даже царапин. И все-таки его что-то сильно беспокоит.

Соседские старушки сегодня были в плащах, в Санкт-Петербурге по утрам стояла обычная осенняя погода, несмотря на яркое солнце, было прохладно.

Он достал из кармана брюк ключи от автомобиля, открыл дверцу, еще раз огляделся, посмотрел направо на соседний дом, все еще чувствуя на себе этот обжигающий взгляд, и сел в машину. Уже заводя автомобиль, в последнее мгновение он вдруг понял, что именно показалось ему странным. На переднем капоте автомобиля не было обычной по утрам росы. Ее кто-то старательно вытер сегодня утром. В следующее мгновение, услышав характерный щелчок, он успел открыть дверцу автомобиля и профессионально рассчитанным скупым движением выпасть из машины. Еще через полсекунды раздался взрыв.

Автомобиль сильно тряхнуло, подбросила взрывная волна и перевернула на левый бок, прямо на него. Серьезно пострадали еще три стоявшие рядом машины.

Разом смолкли все голоса, и в наступившей внезапно тишине еще был слышен его сдавленный стон. Затем закричало сразу несколько голосов, завопили старушки, заплакали дети.

Сила взрыва была настолько велика, что в ближайших домах вылетело сразу несколько стекол. Когда к нему подбежали, он еще успел прошептать:

– Передайте в Вильнюс полковнику Билюнасу... Билюнасу... передайте ему, что меня убили...

На четвертом этаже соседнего дома, где стекла только зазвенели, стоял высокий мужчина, хладнокровно наблюдавший за происходящим. Когда «Скорая помощь» увезла раненого в больницу, он, профессионально отметив безвольно упавшую с носилок руку, кивнул головой и стал спускаться вниз.

Глава 1

Стук в дверь он услышал даже в ванной комнате. Затем с оглушительным грохотом в его номер ворвалось сразу трое людей.

– Он жив, – громко закричал первый из них, заметив его в ванной. Двое других бросились в глубь комнаты, где был сервирован стол.

– Вы, наверное, ошиблись номером, – негромко сказал он, – я не ждал гостей.

– Вы Кямал Меджидов? – нетерпеливо спросил первый.

– Да.

– Слава Богу, я думал, что мы опоздали, – вырвалось у его гостя.

И этот непрофессиональный возглас более всего убедил его, что ворвавшиеся к нему люди были теми, кого он ждал. Просто напряжение последних часов должно было сказаться и на настоящих профессионалах.

Потом его долго везли через всю Москву в какой-то отдаленный район. Во двор автомобиля въехал, даже не просигналив, очевидно, их знали. Он не увидел ни одного человека, пока его вели по коридорам небольшого трехэтажного здания. Путешествие кончилось в большой светлой комнате, где его встретили двое хозяев. Один помоложе, с уже пробивающейся седой. Другой, лет шестидесяти, в больших роговых очках. Сопровождавшие его трое офицеров в комнату не вошли.

– Садитесь, пожалуйста, – показал ему на стул в центре комнаты первый из хозяев.

Он сел, чуть ослабив узел галстука.

– Вы не спросили, почему вас сюда привезли, – говорил все время тот, что помоложе, – это признак профессионализма, или вы предполагали, что подобное может случиться?

– Это признак усталости, – ответил он, – мне пятьдесят два года, это достаточно много, чтобы ничему не удивляться.

– Значит, вы понимали, что рано или поздно вас раскроют?

– Не нужно играть со мной в эти игры. Что вас конкретно интересует? Кстати, как мне к вам обращаться?

– Меня зовут Николай Аркадьевич, – представился собеседник, – а это Вадим Георгиевич. Мы представители российской Федеральной службы контрразведки.

– Это я уже догадался. А как зовут меня, вы уже знаете.

– Это ваше настоящее имя?

– Оценил ваш юмор, – улыбнулся Меджидов, – да, это мое настоящее имя.

– Вы не могли бы коротко рассказать нам свою биографию? – впервые нарушил молчание Вадим Георгиевич.

– Я не думаю, что она так интересна. Родился в сорок втором в Баку. По образованию археолог. Специалист по древнемидийской культуре. Доктор наук. Работаю в Академии наук Азербайджана. Женат. Имею дочь. Кстати, я гражданин Азербайджана. Так что мое задержание может вызвать известный скандал, так как я приехал в Москву на конференцию по приглашению российской стороны.

– Вы, кажется, работали и за рубежом, – Вадим Георгиевич не обратил внимания на его последние слова.

– Совсем немного. В Румынии и во Франции, в начале семидесятых.

– А какое отношение имеет мидийская культура к Франции? – улыбнулся Вадим Георгиевич.

– Прямое. Я работал по контракту с ЮНЕСКО, смотрел древнекельтские захоронения. Позже писал сравнительный анализ двух культур. Это тема моей кандидатской диссертации.

– Которую вы, кажется, защищали в Москве, – уточнил Николай Аркадьевич.

– Да.

– Где именно?

– В МГУ. Это легко проверить.

– Уже проверили. У вас удивительная биография, Кямал Алиевич. Везде мы находили целую кучу справок, документов, приложений. Но почти нигде нет живых свидетелей. Например, во Франции никто не помнит вас в качестве работника ЮНЕСКО. Вас не могут вспомнить даже представители ЮНЕСКО в Париже, не знает ни один работник бывшего советского посольства в Париже. А мы опрашивали очень многих, уверяю вас. Так где вы были эти три года?

– У меня официально оформленное приглашение ЮНЕСКО. Оно должно быть в моем личном деле в Баку.

– Мы знаем, – кивнул Вадим Георгиевич, – но оно липовое, как и вся ваша биография.

– Вы привезли меня сюда ночью, чтобы оскорблять?

– Извините, – кивнул Вадим Георгиевич, – я не думал, что это вас так обидит. Но если серьезно, мы очень долго искали вас, генерал Меджидов.

Он молчал. Тишина повисла в воздухе, словно паутина, которую никто не решался разорвать. Минута тянулась долго, очень долго...

Первым не выдержал Николай Аркадьевич.

– Вас наверняка заинтересует, как мы вышли на вашу группу.

Он все еще молчал. Секрет, который был одним из самых охраняемых секретов бывшего Советского Союза, отныне становился достоянием гласности.

Это немного огорчало, придавая беседе оттенок разочарования.

– Ваше звание? – наконец спросил он у Вадима Георгиевича.

– Генерал-лейтенант. А он генерал-майор, – показал тот на Николая Аркадьевича.

– Кто-нибудь еще в курсе происходящего?

– Полностью только мы двое и директор ФСК. Больше никто.

– Хорошо. Очень хорошо. Что вас конкретно интересует? – деловито спросил он, сразу меняя тон.

– Вы действительно были руководителем группы «О» бывшего КГБ СССР?

– Такой группы вообще не существовало, – улыбнулся Меджидов, – настоящее название группы «Октава», и ее вообще не было в КГБ.

– Верно, – кивнул Вадим Георгиевич, – нам пришлось много поработать, прежде чем мы поняли, что ваша группа была вне официальных структур. Вы напрямую подчинялись Председателю КГБ лично. Были, так сказать, его отборным подразделением.

– Это не совсем так, – возразил Меджидов. – Впрочем, это сейчас не важно. Как вы на меня вышли?

– Дело в том, что, по нашим сведениям, кто-то начал интересоваться вашей группой. Уже погибли двое членов вашей команды.

– Кто? – быстро спросил он. Это было эмоциональной реакцией, а значит, не совсем профессионально.

– Павел Коршунов погиб в Санкт-Петербурге, успев назвать имя полковника Билюнаса. Пока наше отделение в Санкт-Петербурге разобралось, в чем дело, пока мы вышли на Вильнюс, был убит и второй.

– Как их убили? – бесцветным голосом спросил Меджидов.

– Коршунову подложили в автомобиль взрывное устройство, а Билюнаса просто выбросили из его квартиры на двенадцатом этаже.

Он был профессионалом. Но левый глаз начал непроизвольно дергаться. Павка Коршунов когда-то спас ему жизнь в Пакистане. Он помнил об этом всегда.

– И наконец, – добавил Вадим Георгиевич, – сегодня в гостинице «Украина» пытались убить вас. Вы заказали ужин в номер, но в служебном лифте на официанта кто-то напал. Он не видел лица нападавшего, так как тот подстерег его при выходе из лифта. Затем этот неизвестный принес вам еду. По счастливой случайности вы в это время купались и не успели принять пищу вместе с ядом. Наши сотрудники, найдя у служебного лифта официанта, поняли, в чем дело, и чудом успели ворваться к вам. В течение месяца два убийства и одно покушение. Вы не считаете, что это много?

Совершенно секретно

Литера «А»

Вскрыть только начальнику

управления (лично в руки)

Выносить из здания запрещается

Уничтожается в первую очередь – ОДС

СПРАВКА

Группа «Октава» была создана в 1974 году по инициативе бывшего Председателя КГБ СССР генерала Ю. Андропова, по предложению аналитического управления КГБ СССР. В подготовленном документе было обращено внимание на опасность концентрации всех силовых структур в официальных рамках существующих систем – Министерства обороны, Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности. Небольшая мобильная группа, подчиняющаяся непосредственно Председателю КГБ, могла куда более рационально и качественно вести необходимую работу, требовавшую строжайшей секретности и неофициальных контактов. Группа «Октава» состояла из нескольких особо подготовленных людей, выведенных за рамки обычного аппарата КГБ СССР. Одним из первых заданий группы была ликвидация американского информатора, внедренного в аппарат ЦК КПСС. По согласованию с секретарем ЦК КПСС М. Сусловым была предпринята акция нейтрализации американского агента «Адониса».

В результате принятых мер «Адонис» погиб в автомобильной катастрофе. В 1978 году группа «Октава» принимала участие в известных событиях в Мозамбике, в операции «Прибой». В результате успешных оперативных действий группы из Родезии были доставлены два агента МИ-6, после чего они были переправлены в Москву.

В 1979 году группа «Октава» вместе с другими штурмовыми группами ГРУ Министерства обороны СССР и КГБ СССР приняла участие в оперативно-тактических мероприятиях, связанных с захватом дворца президента Афганистана Х. Амина. По существующей официальной версии, Х. Амин погиб в результате действий штурмовой группы. На самом деле он был ликвидирован сотрудниками штурмовых групп КГБ. Представители группы «Октава» принимали участие в неформальных контактах с представителями оппозиции в Египте. В результате действий двух инструкторов «Октавы» на военном параде была предпринята акция по устранению президента А. Садата, ставшего на позиции антисоциалистических сил и проводившего к тому времени предательскую политику Кэмп-Дэвида. Акция проведена успешно.

После перехода Председателя КГБ СССР генерала Ю. Андропова в аппарат ЦК КПСС группа «Октава» была формально ликвидирована. На самом деле она была переподчинена секретарю ЦК КПСС Ю. Андропову по

согласованию с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. Брежневым и бывшим руководством КГБ СССР.

С июня 1985 года группа снова передана в подчинение Председателю КГБ СССР. За период с 1985-го по 1991 год группа «Октава» предположительно получила более десяти оперативных задач, из которых восемь были успешно решены. Однако все документы по составу группы, ее численности, вооружениям полностью уничтожены. Финансирование группы осуществлялось через Управление делами ЦК КПСС.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

По непроверенным данным, в августе 1991 года приказ об аресте Президента России Б. Ельцина получила группа «Альфа». Другая группа, «Октава», получила приказ о физическом устранении вышеназванного лица. Приказ группе «Альфа» был отменен лично Председателем КГБ СССР В. Крючковым. Группа «Октава» по неизвестным причинам приказа не выполнила.

– Вы можете предположить, как трудно нам было выйти на вас? – спросил Николай Аркадьевич.

– Могу себе представить.

– Даже указ о присвоении вам воинского звания «генерал» был уничтожен. В нашем особом досье на офицеров ГРУ и разведуправления кто-то изъясил номер вашего приказа. Просто был пропуск. Только в журнале регистрации стояла запись о присвоении воинского звания сотруднику группы «О».

– Все правильно, – кивнул Меджидов, – мы подчинялись с момента своего возникновения только Андропову.

– Сколько лет вы в группе «Октава»? – спросил Вадим Георгиевич.

– Семнадцать, почти с самого начала. Тогда группу возглавлял другой человек.

– Вы можете назвать его имя?

– Он умер восемь лет назад. Генерал Гогоберидзе.

– Я всегда это подозревал, – кивнул Вадим Георгиевич, – ведь мы с ним работали вместе в Латинской Америке в начале шестидесятых. Потом он исчез. Ходило много разных слухов. А сколько человек сейчас в вашей группе? Точного числа мы так и не смогли выяснить.

– Вы могли бы догадаться. «Октава» – это семь человек. Хотя теперь уже, видимо, пятеро. И я не назову их адреса до тех пор, пока вы мне убедительно и доказательно не объясните, что им действительно грозит опасность. Если они нужны вам для каких-то пропагандистских трюков, то вы их не получите. Об ужасах и тайнах бывшего советского режима написано и так слишком много. Но мы с вами профессионалы. И отлично все понимаем. Государство просто обязано отстаивать свои интересы. Везде и всегда. И не пытайтесь меня убедить в обратном. Я могу вам не поверить.

– Вы не поняли, – возразил Вадим Георгиевич, – мы действительно пытаемся их спасти. И заодно установить, кому выгодна их ликвидация. Согласитесь, о случайностях говорить не приходится. Кто-то вышел на вашу группу раньше нас. Почему вы три года не давали о себе знать?

– А что мы должны были делать? Бегать по управлениям с криками «мы из спецгруппы»? О такой группе никто не слышал. Кроме того, вспомните ситуацию августа девяносто первого. Начали все крушить, ломать. Снесли памятник Дзержинскому, собирались штурмовать здание КГБ, коммунистическую партию запретили. И в этих условиях мы должны были вылезать со своими разоблачениями? Нас немедленно отдали бы под показательный суд, как чудовищное порождение коммунистического тоталитарного режима. Разве я не прав? Кроме того, был аре-

станован Председатель КГБ Крючков, которому мы лично подчинялись и были известны. Когда он сидел в «Матросской тишине», мы с ним связались. Он заявил, что это провокация и ни о какой группе «О» он не знает. И тогда мы поняли, что остались одни.

– Это верно, – недовольно заметил Вадим Георгиевич, – бывший Председатель наотрез отказался давать любую информацию по группе «О». Теперь я его хорошо понимаю. Видимо, могли всплыть какие-то теракты, о существовании которых никто не знал. А Крючков был убежден, что все кончено. Вот он и скрыл эту информацию. Кое-что о вашей группе знали Шебаршин и Бобков. Немного информации было и у Примакова. Но самую ценную информацию мы получили у Чебрикова. Тот, конечно, не догадывался, что мы ничего не знаем о вашей группе, и в разговоре с нами обмолвился, назвав вас генералом. После этого мы удвоили свои поиски. И нам повезло. Один из полковников девятки¹ вспомнил, как в больницу к Андропову приезжал генерал Гогоберидзе. Согласитесь, более чем странный визит, если учесть, что не все секретари ЦК КПСС могли попасть к больному Генсеку. В записных книжках Крюčkова, конфискованных после его ареста и вскоре переданных нам, мы нашли ваши имена, вернее, три фамилии – Меджидов, Билюнас, Подшивалов. Только после внезапной гибели Билюнаса мы вышли на вас и следили уже несколько дней.

– Три дня, – возразил Меджидов.

– Вы обнаружили наблюдение?

– Вадим Георгиевич, я пришел в КГБ в шестьдесят седьмом. Как вы думаете, я мог их не заметить?

– И что вы подумали?

– Ничего. Решил действовать по ситуации.

– Вы запомнили в лицо того «официанта»? – спросил Николай Аркадьевич.

– Думаю, да. Я даже смогу по фотороботу восстановить его портрет, хотя видел мельком, сбоку.

– Если бы Крючков рассказал о вас немного раньше, мы смогли бы спасти Коршунова и Билюнаса, – предположил Николай Аркадьевич.

– А вы не задавались вопросом, кому он должен был рассказывать о нашей группе? – разозлился Меджидов. – Предателю Бакатину, выдавшему американцам секретную схему прослушивания их посольства, или бывшему милиционеру Баранникову, умудрившемуся стать первым в истории КГБ Председателем, подозреваемым в коррупции. Согласитесь, в нашем ведомстве палачи были, но предатели и воры... А вы еще спрашиваете, почему он не рассказал. Я думаю, он поступил совершенно правильно, решив пока не раскрывать нашего статуса. У каждого из нас была своя «легенда», своя биография, по которой мы могли жить в теперь уже независимых странах СНГ. При желании нас можно было легко собрать или найти. Достаточно дать телеграмму по известному ему адресу в Москве. А ребят наших уже не вернешь. Видимо, кто-то дал сигнал. Убирают посвященных...

Из истории гипотез

ГИПОТЕЗА № 1

Первым из посвященных в тайну людей был бывший управляющий делами ЦК КПСС. Именно за его подписью оформлялись ведомости и документы на выдачу валюты и получение других ценностей. Он и еще одна очень пожилая одинокая женщина, которая, будучи ответственным работником Управления делами ЦК КПСС, выполняла все технические функции. Она работала в аппарате еще с начала пятидесятых годов, и сомневаться в ее благонадежности не приходилось. Управляющий знал точно, какие огромные суммы тратились на финансирование и прикрытие группы «Октава». И потому был очень опасен. Кроме всего прочего, он был фигу-

¹ Девятое управление КГБ обеспечивало охрану секретарей ЦК КПСС.

рой политической, по должности приравненной к заведующим отделами ЦК КПСС. Его могли допросить в первую очередь. Под радостные победные возгласы демократов августа девяносто первого никому и в голову не могло прийти обеспечить его особой охраной. Казалось, что все страхи остались позади. Но люди, отвечавшие за сохранение государственных тайн, понимали, какой неудобной фигурой был бывший управляющий. Кроме всего прочего, могла всплыть неблагоприятная роль «Октавы» в румынских событиях 1989 года. А это могло изменить взгляд очень многих людей на мировую историю вообще, и на политику СССР, России в частности. Этого не хотелось допускать ни в коем случае.

С бывшим управляющим серьезно поговорили. Ему объяснили, что деньги, переведенные в свое время за рубеж и вложенные теперь в разного рода фонды и недвижимость, могут быть гарантированы от неожиданностей только в случае абсолютного молчания всех исполнителей. Нет, ему не угрожали. Просто предлагали продумать варианты.

Управляющий был немолодой, мудрый человек. Кроме того, на свое несчастье, он обладал хорошей памятью и имел большую семью. Десятки тайных счетов в Бельгии, Люксембурге, Голландии, Лихтенштейне, Швейцарии, на Ближнем и Среднем Востоке, в странах Латинской Америки были известны лишь узкому кругу посвященных. И он был одним из них, случайно, по должности, попавших под свет юпитеров. Управляющий, просчитав все варианты, понял, что должен уйти в тень или исчезнуть. Но уходить было поздно. Все пути к отступлению были отрезаны. Кроме того, оставались жена, дети, внуки. Во имя высших государственных интересов, объяснили ему, он должен поступить так, как велит ему его партийный и гражданский долг.

Управляющий был образцовым гражданином и верным сыном партии. Он оставил записку, в которой не намеренно, совсем немного, раскрыл смысл происходившего. «Я трус», – написал он четким чиновничьим почерком в своей последней в жизни записке. Идти каяться не имело смысла, оставаться жить было страшно. И он шагнул на подоконник. Управляющий умер сразу, больно ударившись об асфальт. И это была последняя милость судьбы.

Через три часа у себя на квартире скоропостижно, от сердечного приступа умерла член КПСС с 1948 года, бывший ответственный работник Управления делами ЦК КПСС.

Еще через несколько дней, разумеется, по случайному совпадению, повторил полет своего коллеги другой бывший управляющий делами ЦК КПСС. На этот раз, правда, не было никаких записок. Странно было не то, что он решил повторить похожий способ полетать между домами. Странно было то, что в случайную гибель обоих поверили все – правительство, пресса, разведка, контрразведка, милиция. Или сделали вид, что поверили. Обыватели, правда, достаточно долго говорили об этих полетах в элитарных домах, но слухи как-то разом прекратились, и уже никто не вспоминал случайного совпадения двух похожих, почти буффонадных, переходов в другой мир. Очевидно, каждый выбирал свою судьбу сам.

– Вы сказали, убирают посвященных? – спросил Вадим Георгиевич. – Значит, Коршунова и Билюнаса убрали за их осведомленность. Весь вопрос, какой именно информацией обладали эти двое. Я понимаю, что здесь возможны варианты, но для решения этой задачи нам будет нужно выделить наиболее главные, узловые моменты ваших последних операций!

– Думаю, что это невозможно, – немного подумав, ответил Меджидов, – мы обязаны были забывать об операции с момента ее завершения. Наша информация может быть чрезвычайно скудной, но проанализировать ситуацию мы сможем.

– Вы сказали, что членов вашей группы можно достаточно быстро собрать в Москве. Значит, они не живут в столице, вернее, не только в столице. И вы наверняка сможете их быстро собрать? Кстати, кто был вашим заместителем в группе?

– Их было двое. Полковник Билюнас и полковник Подшивалов, чьи фамилии вы обнаружили в записных книжках Крючкова. Полковник Игорь Подшивалов живет и работает

в Москве. Это выдающийся специалист в области микробиологии, заместитель директора научно – исследовательского института. Он всегда работал очень виртуозно. Там, где требовалась безупречная смерть, он был незаменим. Достаточно сказать, что ни в одном случае вскрытие не обнаруживало ничего в трупах наших... Э-э... «клиентов».

– А «клиентов» было много? – не удержался Николай Аркадьевич.

– Сколько вам лет? – спросил Меджидов вместо ответа.

– Сорок шесть.

– Поздравляю. Довольно хорошо для генерала. Но во имя всего святого перестаньте мне задавать непрофессиональные вопросы. Или делать вид, что задаете такие вопросы. Вы же понимаете, что этого я вам никогда не скажу. Если бы кто-то считал это необходимым, нас давно заставили бы писать отчеты, чтобы подшивать их в канцелярские папки. Раз этого нет, значит, этих случаев и не было. Но, учитывая, что вы мой коллега и теперь занимаетесь нашим делом, откровенно скажу – «клиентов» было достаточно. Причем упоминание о них вы не найдете нигде, тем более что среди наших «клиентов» были не только зарубежные граждане. Вы же все отлично понимаете. Есть операции, о которых нельзя говорить никогда.

– Мне трудно понять вашу логику, – возразил Николай Аркадьевич чуть упрямо, – действительно, я недавно переведен в Москву из области, но мне казалось, я всего насмотрелся. Такое даже трудно себе представить.

– А вы спросите своего более опытного коллегу, – усмехнулся Меджидов, – он наверняка помнит времена «холодной войны». Правда, вы у себя в провинции искали настоящих шпионов и искренне верили, что можете найти их. А вот мы знали, как можно подставить друга и прикрыть врага во имя сиюминутных выгод на каком-то этапе операции. И уверяю вас, мы все это часто делали.

– Если хотите, – продолжал Меджидов, – я могу подкинуть вам несколько удивительных сюжетов. Представьте на мгновение, что врачи, лечившие самолюбивого египетского президента Насера или романтически влюбленного в нашу страну ангольского президента Нето, были нашими людьми. Или один из членов нашей группы стрелял в Индиру Ганди вместе с террористами. Вы можете представить, как сразу меняется геополитическая ситуация в мире? Или если вдруг, разумеется, случайно всплывут материалы доказательства причастности наших или американских спецслужб к убийству Улафа Пальме.

– Бред какой-то, – не выдержал молодой генерал, – не вижу логики. Зачем нам это нужно? Я понимаю – высшие интересы государства. Но зачем убивать своих друзей, делая заведомо проигрышные ходы?

– Если вы играете в шахматы, то должны помнить об одном правиле. Иногда нужно отдать даже фигуру, чтобы сделать шах королю. Я приводил эти примеры только как возможные варианты. Но если хотите, я дам вам вполне логическое уравнение. На одном из заседаний съезда Советов бывший глава нашей страны Михаил Горбачев серьезно разругался с академиком Сахаровым. Вы, наверное, помните, как злился Горбачев, потрясая бумагами. Теперь представьте, что в автомобиле по дороге домой в присутствии начальника своей охраны генерала Медведева Горбачев недовольно выругался, что, кстати, было на самом деле. А генерал Медведев, который такой же демократ, как я балерина, позвонил мне или Подшивалову с просьбой помочь Президенту. Разумеется, я говорю это всего лишь как предположение. И этой ночью, по странному совпадению, всемирно известный диссидент скоростно умирает в своей постели. Я изложил вам факты, но согласитесь, логический ряд присутствует. А вдруг это подтвердится? Представляете, какой будет скандал в мире. Но мы несколько отвлеклись. О деятельности нашей группы, которую вы не знали и не должны были знать, я ничего не скажу. Мои люди, как и мы все, выполняли приказы высшего руководства страны. В любом случае от уголовной ответственности мы должны быть освобождены.

– Вас серьезно беспокоил этот момент? – поинтересовался Вадим Георгиевич. – Теперь понятно, почему вы почти три года молчали.

– Кроме всего прочего, мы устали. В последние годы нас бросали во все горячие точки. Тогда мы договорились немного подождать. У каждого была своя мирная профессия-прикрытие. Кроме того, после августа 1991-го ничего не было ясно ни в России, ни в СНГ. Но, признаюсь, такое ожидание самое трудное в моей карьере.

– Вы сможете быстро, за сутки, собрать своих людей в Москве? – спросил Вадим Георгиевич.

– Думаю, да.

– Вам что-нибудь для этого нужно?

– Только телефонный аппарат. Я просто могу позвонить всем остальным. Тем более что их осталось всего четверо. Кстати, пока они подъедут, я сам хотел бы проанализировать материалы смерти Билюнаса и Коршунова. Это возможно?

– Конечно, – кивнул Вадим Георгиевич, – распорядитесь, – приказал он своему более молодому коллеге.

Тот быстро вышел из комнаты.

– Мне нужны гарантии, – тихо сказал Меджидов, – в любом случае это мои люди, а не ваши. Упоминание о них без их согласия категорически исключается. Кроме того, никакой ответственности за операции последних лет они не несут. Даже если они убили бабушку Ельцина или тещу Гайдара.

– Разумеется, – кивнул головой генерал, – об этом не может быть и речи, звоните скорее.

В соседней комнате Николай Аркадьевич, слышавший их разговор, приказал двоим техникам, записывающим на пленку всю встречу:

– После каждого звонка передаете сигналы нашим группам. Все четыре группы должны быть готовы немедленно выехать. Взять под строгий контроль всех четверых. Охранять как объекты особой важности, как высших руководителей государства. Они для нас исключительно важны.

Две скрытые камеры одновременно с обеих сторон показывали сидевших за столами Меджидова и его собеседника. Один из техников поднял трубку.

– Внимание, готовность всем группам.

Николай Аркадьевич не знал, что сидевший в противоположном конце коридора еще один человек слышал не только беседу Меджидова с двумя генералами, но и приказы его самого. Впрочем, об этом, наверное, не знал и сам Вадим Георгиевич, продолжавший свою беседу с Меджидовым.

– Давайте для начала соберем всех четверых здесь, в Москве, – предложил Вадим Георгиевич.

– Я позвоню Подшивалову, хотя, кажется, уже первый час ночи.

Меджидов поднял трубку. Набрал номер. Набранный номер одновременно был зафиксирован в обеих прослушивающих их беседу комнатах. Почти сразу ответил заспанный женский голос:

– Слушаю вас.

– Извините, что беспокою вас так поздно. Можно попросить к телефону Игоря Владимировича?

– Его нет. Он вчера уехал в командировку, в Дагестан...

– А когда вернется?

– Через два дня. Извините, кто его спрашивает?

– Это его друг Кямал. Если он будет звонить, передайте ему, пожалуйста, что я звонил.

– Обязательно передам.

Меджидов повесил трубку.

– Мне это не нравится, – угрюмо сказал он.

– Вы исключаете случайности? – понял Вадим Георгиевич.

– Такие почти всегда да. Мне не нравится эта спешная командировка. Попробую позвонить другим. Зачем микробиолога могут послать в Дагестан, как по-вашему?

– Повод может быть уважительный. Там недавно была вспышка холеры. Так что волноваться заранее не стоит. Наши люди через его институт найдут Подшивалова уже завтра.

– Не уверен, – покачал головой Меджидов, – давайте попробуем следующего. – Он вспомнил код Тбилиси и быстро набрал номер. – Ваш номер набирать нужно? – спросил он у своего собеседника. Тот покачал головой.

Было уже далеко за полночь, почти без двадцати час, но трубку снял сам Теймураз.

– Да, слушаю вас, – раздался его гортанный голос.

– Теймураз, это я, – негромко сказал Меджидов, – ты мне срочно нужен, приезжай.

– У нас очень трудно стало с самолетами, – пожаловался, кажется, ничему не удивившийся Теймураз, – но я обязательно вылечу. Завтра вечером буду в Москве. Куда мне приехать?

– Он спрашивает, куда ему приехать? – спросил Меджидов, прикрывая трубку.

– Дайте ему наш телефон, – Вадим Георгиевич набросал несколько цифр на лежавшем перед ним блокноте.

– Кямал Алиевич, какая погода в Москве? – спросил Теймураз.

– Достаточно пасмурно. А как у вас в Тбилиси?

– Сегодня было тепло, у нас еще лето. Я обязательно завтра прилечу. Может, даже с пересадками, но прилечу. Как у вас вообще дела, я столько времени не слышал ваш голос.

– Вот прилетишь пораньше, все будет в порядке. Будь осторожен, ничего с собой не бери, главное, прилетай. Обрати внимание на телефоны, звони только мне.

– Обязательно, – засмеялся Теймураз.

Меджидов вспомнил, как они однажды в Таиланде перепутали номера телефонов. Перепутали не они, а их связной, по ошибке принявший тройку за девятку, и вместо нужного места, где их ждали, они оказались на крокодиловой ферме. Все попытки что-либо выяснить ни к чему не привели. Крестьяне просто не понимали, чего хотят от них эти господа. Потом два дня они искали своего связного. Их глупая эпопея кончилась тем, что Теймураз все-таки поймал связного и довольно бесцеремонно объяснил тому разницу между тройкой и девяткой. Когда связной появился перед Меджидовым, на его красное правое ухо замедляли движение автомобиля.

– Здесь все нормально, – сказал он на прощание, – запиши мои телефоны и действуй в форсированном режиме.

Меджидов продиктовал номера двух телефонов и положил трубку. Один из техников, продолжающих слушать их беседу, набрал номер телефона.

– Группу в Тбилиси, – быстро сказал он, – под видом срочного дипломатического груза для посольства. Инструкции получают на месте.

Сидевший в другом конце коридора наблюдатель, слышавший и этот приказ, сделал у себя отметку, продолжая внимательно следить за всеми.

К Меджидову в комнату вошел Николай Аркадьевич.

– Я распорядился, – кивнул он Меджидову, – утром привезут обе папки с материалами на Коршунова и Билюнаса.

– У нас проблема, – вместо ответа произнес Вадим Георгиевич, – в срочную командировку уехал Подшивалов. Нужно организовать запрос. Пусть выяснят, где он. Жена сказала, что улетел в Дагестан. Это его домашний телефон. Как называется институт, где он работает? – обратился он к Меджидову.

Тот назвал институт, адрес, добавив:

– Там его все хорошо знают. Он работает в этом институте уже шестнадцать лет. Николай Аркадьевич кивнул, выходя из комнаты во второй раз с листком в руках.

Один из техников снова поднял трубку:

– Вторая группа в воздух. Срочное сообщение в Махачкалу. Пусть встречаются группу. Инструкции получают прямо в самолете. Фотография разыскиваемого лица будет передана по месту прибытия.

Меджидов снова поднял трубку.

Наблюдатель, подслушивающий их беседы, записал название института и, подумав немного, добавил вопросительный знак.

Меджидов пытался набрать номер уже в третий раз.

– Не получается, – он повернулся к Вадиму Георгиевичу, – может, вы попросите срочно дать Харьков?

– Конечно, – он быстро набрал номер по другому телефону и приказал: – Дайте срочно Харьков. Какой там телефон? – обратился он к Меджидову. Тот назвал.

Техники, удовлетворенно переглянувшись, кивнули друг другу. Один из них поднял трубку.

– Третья группа на выезд. Срочный запрос в Харьков. Инструкции получите на месте².

Наблюдатель занес в свой блокнот и это сообщение. Через полминуты дали Харьков. Долго никто не отвечал, пока наконец на другом конце не сказали:

– Слушаю вас.

– Извините, что беспокою так поздно. Мне срочно нужен Федор Костенко.

– А кто это говорит?

– Его знакомый.

– Какой знакомый?

– Я позвоню завтра.

Он уже собирался положить трубку, когда на другом конце провода спросили:

– Кямал Алиевич, это вы? Извините, пожалуйста, я не сразу узнал ваш голос.

– Федор? У тебя тоже очень изменился голос. Что-нибудь случилось?

– У меня вчера мать умерла. Сегодня похороны были.

– Ах, как нехорошо. Я ничего не знал. Прими мои соболезнования. Сколько ей было лет?

– Шестьдесят два. Она все время жила в Гомеле. Это Чернобыль, будь он проклят. Люди до сих пор умирают, как мухи. А что вы позвонили так поздно? Что-нибудь нужно?

– Нет, нет, ничего. Я позвоню через несколько дней. Или даже лучше приеду. В общем, прими мои соболезнования.

– Спасибо большое, – расчувствовался Костенко.

Меджидов положил трубку.

– У него умерла мать, – пожал он плечами, – не мог же я его вызывать в Москву в такой день.

– Да... ситуация, – кивнул Вадим Георгиевич. Он поднялся со стула и сделал несколько шагов.

– Вы всем позвонили?

– Нет еще, должен позвонить в Тулу. Там живет еще один офицер нашей группы – майор Вячеслав Корин.

Старший техник снова поднял трубку:

² В данном случае «техниками» называют офицеров из технического управления ФСК. Это не означает, что они технические работники. Скорее это офицеры в чине не меньше майора.

– Четвертую группу в воздух. Срочное сообщение в Тулу. Пусть встречаются на месте. Объект – Вячеслав Корин. Телефон номер... – Он дождался, пока в другой комнате Меджидов набирал номер телефона, и затем произнес несколько цифр.

Наблюдатель записал и это сообщение.

В этот раз повезло. Корин сразу снял трубку.

– Я вас слушаю, – раздался его молодой, уверенный голос.

– Добрый вечер, – сказал Меджидов, – вернее, доброй ночи. Это Кямал Меджидов.

– Слушаю вас, Кямал Алиевич, – оживился на другом конце будто бы и не спавший ночью Слава Корин.

– Ты мне срочно нужен, – приказным тоном сказал Меджидов. – Приезжай в Москву завтра. Мои телефоны запиши на всякий случай. А еще лучше запомни. – И он продиктовал два телефона.

– Уже запомнил, – рассмеялся Корин, – завтра я буду в Москве, ждите.

– Теперь все, – удовлетворенно сказал Меджидов. – Вся группа. Кроме меня, еще шесть человек. Полковник Игорь Подшивалов, подполковник Теймураз Сулакаури, подполковник Федор Костенко, майор Вячеслав Корин. И... полковник Паулис Билюнас и подполковник Павел Коршунов, убитые по еще неизвестным мне причинам.

– Нам они тоже неизвестны, – заметил Вадим Георгиевич, – и боюсь, без вашего желания с нами сотрудничать мы ничего не обнаружим. Нам нужно знать мотивы убийства. Кто сумел узнать о вашей группе, если даже мы не располагали всей информацией. Судя по почерку, это профессионалы.

– Мы тоже проанализируем ситуацию, – задумчиво ответил Меджидов. – Меня самого мучает тысяча вопросов. Вы, имея весь аппарат бывшего КГБ и записные книжки Крюкова, смогли выйти на нас только спустя месяц после первого убийства. Теперь представьте, какой информацией нужно обладать, чтобы знать всю группу. У меня есть даже такая мысль. Вы знаете «теорию козырей»?

– Конечно. Туз больше любой карты, но козырная шестерка может побить ту-за, – это было самое любимое выражение Андропова.

– Вот, вот. Он очень любил это выражение. Можно предположить, что была создана не только группа «Октава» – короли и тузы этой игры, но кто-то держит в запасе и козырную шестерку, а может, даже семерку, которые в нужный момент бьют этих тузов.

– Вы хотите сказать...

– Да. Я неплохо знал Юрия Андропова. Он вполне мог создать еще одну сверхсекретную группу для контроля над «Октавой». На всякий случай. И теперь кто-то решил, что пришел час «Х». Момент, когда нужно убирать всю группу. Мы и так слишком задержались на этом свете. И обладаем слишком большой информацией. И есть еще один момент. Может быть, просто кто-то не хочет, чтобы «Октава» была выявлена или начала сотрудничество с вашим ведомством. Кому-то мы мешаем. И этот кто-то стоит совсем рядом с вами, генерал. Если это не вы сами, то вполне вероятно, что вышедший отсюда Николай Аркадьевич. Я не исключаю любого варианта.

Сидевшие в соседней комнате техники переглянулись. Находившийся в конце коридора наблюдатель вздрогнул.

– Вы меня подозреваете в убийствах? – зло спросил Вадим Георгиевич, блеснув стеклами своих очков.

– Я подозреваю, что вы на службе у государства. России группа «Октава» и ее скандальная известность нужны меньше всего. Разве я не прав?

– Может быть, но я не отдавал приказа о вашей ликвидации. Иначе зачем мне было вас сюда привозить?

– Чтобы выявить всю группу. Напугать меня рассказами об убийствах и выйти на всю группу. Ладно, – махнул он рукой, видя, что генерал собирается ему возражать, – будем считать, что это только версия. Вполне вероятно, что играют не только нами, но и вами. Нам обоим нужно быть осторожнее, товарищ генерал.

– Да, – задумчиво сказал Вадим Георгиевич, – ваша группа как начиненная динамитом цистерна. Одно неосторожное движение – и мы все взлетим на воздух.

Глава 2

Это лето в Москве было холоднее обычного. И осень наступила достаточно быстро. Дождь и слякоть всегда вызывали у него раздражение, но сегодня оно было усилено последней встречей с Президентом.

Его достаточно давно не принимал Президент, и вот сегодня, приняв, снова обратил внимание на качественный состав его аппарата. «Несмотря на все изменения, реорганизации и обновления, вы не хотите отказаться от старых методов работы», – грозно заявил Президент, отметив, что в его аппарате по-прежнему много специалистов старой школы. Он же не мог объяснить, что на них держится вся работа. Президент не любил и не доверял его сотрудникам. Он слишком хорошо помнил, с каким особым рвением травили они его в конце восьмидесятых, как смыкали кольцо в августе девяносто первого, как предали в октябре девяносто третьего. Президент принимал их обоих – руководителей разведки и контрразведки. Если делами первого Президент почти не интересовался, то работу второго он всегда считал неудовлетворительной. Президент, несмотря на весь свой энтузиазм, известный миру своими революционными взглядами, был тем не менее типичным представителем старой школы партаппаратчиков. Он считал правильным, если контрразведка занималась оппозицией и ее лидерами, не находя в этом ничего предосудительного.

Он искренне считал, что в любом нормальном государстве контрразведка занимается в первую очередь этими проблемами, помогая стабилизировать власть. В данном случае его власть. Он не был реакционером или консерватором. Просто он вырос в такой системе координат, где существование политической полиции было оправданным и правильным. Кроме того, несмотря на все чистки, в бывшем КГБ действительно сидело очень много его политических противников, считавших его лично ответственным за развал некогда великой страны. И хотя теперь ведомство называлось ФСК, Президент понимал, что на лояльность этих людей полностью положиться он не имеет права.

И потому накопившееся раздражение принимал на себя молодой Директор ФСК. Теперь он ехал в свое ведомство в мрачном настроении, сознавая, что в словах Президента слишком много истины. В приемной его ждал вызванный два часа назад генерал. Директор прошел в свой кабинет, сухо поздоровавшись, и почти сразу вызвал генерала.

– Что произошло? – гневно спросил Директор ФСК. – Каким образом ваши люди могли потерять объект наблюдения?

– Не понимаю, – оправдывался генерал, – он летел в Москву с двумя пересадками. Мы принимали и провожали в обоих аэропортах. Были задействованы сотрудники областных управлений. Вчера ночью специальная группа вылетела в Тбилиси, чтобы обеспечить его безопасность. И вот такой неожиданный результат. Я не понимаю, в чем дело. Может, он заметил ведущее за ним наблюдение?

– Надо было ему сразу объяснить, в чем дело, – недовольно сказал Директор ФСК.

– В интересах дела мы хотели, чтобы Сулакаури все рассказал сам Меджидов. Никто не думал, что так может произойти.

– Что с остальными?

– Корин сегодня прибывает в Москву. Подшивалова мы ищем. Мы установили, что он действительно был послан в командировку в Махачкалу. У Костенко умерла мать, и мы, поставив наблюдение, решили пока его не трогать.

– Вадим Георгиевич, вы сами ездили в Домодедово? – поинтересовался Директор ФСК.

– Конечно. Все посмотрел на месте. Там абсолютно идиотская система прохода границы. Прибывающих из стран СНГ пассажиров направляют к лестнице, со всех сторон огражденной щитами, откуда они должны подняться на второй этаж. Там ничего не стоит просто свернуть в

сторону. Сулакаури поступил по-другому. Он поднялся на второй этаж и, резко свернув, вошел в боковую дверь. Из комнаты пограничников она не видна и ведет в депутатскую комнату. Спустившись по лестнице, он вышел к туалетным комнатам депутатской. Из окна дежурного, к сожалению, тот отрезок не просматривается. Зайдя в туалет, он, очевидно, переоделся и через заднюю дверь депутатской, где выносят грузы, ушел к проходной. Правда, его никто не видел. Но это наши предположения.

– Что думаете делать?

– Мы его активно ищем, но вы сами понимаете, как это сложно. В то же время мы не теряем надежды, что он позвонит Меджидову. По моей версии, он все-таки почувствовал ведущею за ним наблюдение и решил на всякий случай себя обезопасить. Он же профессионал.

– Как ведет себя Меджидов?

– Читает материалы расследований гибели Коршунова и Билюнаса. Внешне спокоен.

В этот момент раздался звонок. Директор ФСК снял трубку. Очевидно, сообщение все-таки вывело его из равновесия, трубку он не положил, а бросил. Накопившееся раздражение наконец нашло свой выход.

– Черт бы нас всех побрал, – зло сказал он, – не умеем работать вообще. Только что передали с Курского вокзала. Убит Вячеслав Корин.

Вадим Георгиевич ошеломленно молчал. Он снял очки, протер их платком и снова надел.

– Это моя личная вина, – очень тихо сказал генерал.

– Потом, – отмахнулся Директор ФСК, – потом будем выяснять, чья вина. Меня сейчас волнует только один вопрос. Кроме нас, никто не знал о прибытии в Москву Вячеслава Корина. Его охраняла специальная группа. И вот он убит. Николай Аркадьевич выехал на место происшествия. Это дело становится все более интересным. Один пропал, другой убит. А если Сулакаури тоже убит, что тогда? Значит, у нас в ФСК работают неизвестные нам структуры. Это не просто убийство, Вадим Георгиевич, это вызов. Всем нам. Немедленно составить список всех, кто знал о прибытии Корина в Москву. В список включить всех, начав лично с меня. К поискам Теймураза Сулакаури подключите генерала Савостьянова, все Московское управление. Подполковника Костенко немедленно привезите в Москву. В течение суток найти полковника Подшивалова. Если нужно, арестуйте его, но привезите в Москву. За их безопасность отвечаете лично вы, генерал.

– Слушаюсь, – встал уже немолодой генерал.

– Вы понимаете, что происходит? – вдруг спросил Директор ФСК. – Информация поступает из нашего закрытого Центра. Кому после этого верить, генерал? После убийства Корина нас всех надо гнать в шею из органов.

– Я понимаю, – наклонил голову генерал, – всю ответственность за развитие операции несу я один. Мы недооценили возможную опасность. Если я не смогу найти убийцу Корина, уйду в отставку.

– Это вы всегда успеете, – махнул рукой Директор ФСК, – подумайте лучше, как сильно мешают эти люди кому-то. Мы ведь обязательно установим источник утечки информации, здесь особой мудрости не нужно. Так рисковать и во имя чего? Вот второй вопрос, на который я ищу ответ. Вернее, он первый, потому что все остальные – производные от него. – Когда генерал ушел, Директор ФСК, пройдя в комнату отдыха, снял пиджак, развязал галстук и прямо в рубашке и брюках лег на постель.

Может, Президент все-таки прав, подумал он. Здесь мы все чужие. Это ведомство живет по своим законам и отторгает пришельцев. Его невозможно реформировать, вспомнил он слова одного из демократов, его нужно уничтожить.

В Центре ФСК Меджидов уже третий час просматривал две небольшие по объему папки с материалами расследований по фактам гибели Коршунова и Билюнаса. После того как по его описанию был составлен фоторобот подозреваемого в нападении на официанта лица, ему дали

эти папки и предоставили отдельную комнату. Правда, жилище скорее напоминало комфортабельную камеру, но он не стал особенно протестовать, понимая, что в сложившейся ситуации это вернее всего помогало его работе.

На Коршунова было гораздо больше материалов. Показания свидетелей происшедшего, акты технической экспертизы, донесения работников МВД, проводивших первичное дознание. Показания врачей, анализ экспертов, протокол вскрытия. Все было подшито как обычно в таких случаях. И это все было о гибели Павла Коршунова, его товарища, спасшего ему жизнь десять лет назад. Вторая папка была гораздо меньших размеров. Короткое донесение о смерти, несколько протоколов на литовском языке, копии полицейских отчетов. К каждому документу были приложены переводы на русский язык с комментариями экспертов ФСК. И более ничего. На основании этих скудных данных нужно было проанализировать не только обстоятельства смерти его товарищей, но и постараться вычислить предполагаемые действия убийц. Без дополнительной информации сделать это было почти невозможно. Но Меджидов хорошо знал, как важна первичная информация в таких вопросах, и потому вот уже два с лишним часа вчитывался в каждую строчку принесенных ему документов.

В свои пятьдесят два года Меджидов сохранял подтянутую, достаточно стройную фигуру спортсмена. Он был чуть выше среднего роста, плотный, коренастый. Черты лица запоминались своей характерностью. Глубоко посаженные глаза, кустистые брови, резкие черты лица, характерные для восточных людей, и почти седая голова.

Сидя в этот день за материалами, привезенными ему в Центр, он все пытался понять, вычислить – кому и зачем нужны были эти убийства. В протоколе вскрытия Коршунова он наткнулся на одну фразу, от которой защемило сердце. Патологоанатом обращал внимание на тяжелое ранение левой руки. Меджидов отложил документы и минут десять к ним не прикасался. Тогда в Пакистане Павел спас его, в последний момент заслонив своим телом.

Пакистанский офицер, у которого они должны были получить информацию, оказался просто двойным агентом. Получив деньги, он решил избавиться от ненужных свидетелей. И когда они, расставаясь, повернулись к нему спиной, он вытащил пистолет. У Коршунова всегда была хорошая реакция. Он успел толкнуть Меджидова и даже чуть повернуться, но получил-таки выстрел в руку.

Второго выстрела пакистанец сделать не успел. Меджидов тоже обладал неплохой реакцией и, падая, успел вытащить свое оружие. Труп они не стали закапывать, а просто бросили на съедение стервятникам.

Даже в последнее мгновение перед взрывом, сидя в заминированной машине, Коршунов успел в какие-то доли секунды разобраться, что к чему, и выпасть из автомобиля. Но сила взрыва оказалась слишком велика. Павел несколько последних лет работал в паре с Билюнасом, и потому его первой, естественной реакцией стала просьба сообщить обо всем Паулису. Меджидов понимал, что за Коршуновым следили достаточно долго, чтобы установить его автомобиль, график поездок на работу самого Павла и его семьи. Профессионалы не признают ненужных убийств, и здесь все было рассчитано так, чтобы в машину сел один Коршунов.

Но как они могли убить Билюнаса? Этот немногословный, внешне замкнутый человек всегда держал на дистанции любого собеседника. Как он мог довериться кому-то, настолько довериться, чтобы подпустить этого человека к себе так близко? Билюнас был профессионалом, и его не могли так просто выбросить в окно. А если он выбросился сам? Тогда должны были быть очень веские причины. Полковник Паулис Билюнас работал в группе «О» восемнадцать лет, придя в нее одновременно с Меджидовым. Он менее всего похож на даму-истеричку, бросающуюся на подоконник, чтобы напугать своего мужа. Кроме того, Билюнас был одним из двух аналитиков их группы, а значит, вообще одним из лучших аналитиков бывшего КГБ СССР. Он умел просчитывать варианты, и его не так просто было вывести из равновесия. Хотя Меджидов помнил один такой случай, когда это произошло.

Тогда, в восемьдесят шестом, «новое мышление» Михаила Горбачева и Эдуарда Шеварднадзе только пробивалось сквозь ледяной панцирь «холодной войны». Вдвоем, Меджидов и Билюнас, выполняя специальное задание Чебрикова, отправились в район Унейзы, чтобы привезти в СССР столь нужного советской разведке палестинца. Приказ, полученный ими от генерала Гогоберидзе, был категоричным и однозначным. «Любыми способами привезти этого человека в Москву, обеспечив его безопасную доставку». Очевидно, этот палестинец обладал очень нужной для Москвы информацией.

По версии аналитиков группы, Меджидов и Билюнас выехали как офицеры-эксперты, представители ООН. Первый выдавал себя за офицера индийских вооруженных сил, второй по документам был представителем Швеции. Их бросающиеся в глаза разномастные отличия позволяли использовать такой психологический трюк, точно воздействующий на подсознание. Проверяющие их документы посты иорданской и израильской полиции обычно избегали ненужных вопросов. Когда два столь не похожих друг на друга человека едут в одной машине, это почему-то убеждает, что им труднее сговориться. Билюнас был высокого роста, с очень светлыми волосами, голубыми глазами, являя собой облик типичного представителя скандинавских народов.

От Унейзы они направились в район холмов Эш-Шара и целый день безрезультатно ждали нужного им человека. Солнце светило нестерпимо. Пытаясь спрятаться в тени автомобиля, они обливались потом, проклиная свое руководство, палестинцев, МОССАД и весь мир. Сам Паулис оказался очень предусмотрительным человеком. Они пили спасительный чай, который Билюнас захватил на всякий случай в пяти больших термосах. Это как-то утоляло жажду и делало не столь изнурительным пребывание под сорокаградусным солнцем.

Наконец в третьем часу ночи послышался треск моторов. На подъехавшем к ним грузовике был тот самый палестинец, которого они ждали.

Его одежда была порвана, он был весь в пыли и грязи, но глаза весело блестели, он был даже немного пьян. Обменявшись паролем, они забрали его в свой джип и выехали по направлению к городу.

Видимо, от пережитых волнений палестинец говорил очень много, захлебываясь от радости, что все трудности уже позади. Меджидов говорил с ним по-арабски, пока Паулис, не знавший этого языка, вел машину, напряженно всматриваясь вперед.

– Почему ты опоздал? – спросил Меджидов, обратив внимание на излишне возбужденный вид своего подопечного и его порванную одежду.

– Мы наконец смогли это сделать, – засмеялся палестинец, – мы это сделали.

– Что вы такое сделали? – не понял тогда Меджидов.

– Была редкая возможность уничтожить семью Левина, – тонким голосом радостно сообщил палестинец, – их отец – офицер МОССАДа, и они приехали на отдых к своей сестре. Я не мог упустить такую возможность. Мы убили их всех. Не ушел никто. Ни один человек. Вся семья Александра Левина погибла. Все до единого, никто не ушел.

– Что он говорит? – спросил Билюнас, обративший внимание на возбужденный тон палестинца.

– Они убили семью одного из офицеров МОССАДа, – нахмурившись, мрачно сказал Меджидов по-английски.

– Да, да, мы сделали это, – понял слова Меджидова террорист. Он неплохо говорил по-английски, – я сам... как это на английском, трахнул его жену. Ах, как она визжала подо мной, как сопротивлялась. – Он вдруг сказал по-арабски: – Ты не знаешь, как это сладко трахнуть еврейку, – и снова перешел на ломаный английский, – а потом мы их всех застрелили. И детей ее мы тоже убили, – он говорил, почти скуля от радости, визгливым голосом, бьющим по нервам.

– Разве Аллах разрешает убивать детей? – спросил вдруг серьезно Билюнас.

– А мы не спрашиваем разрешения, – оскалился террорист, – нужно убивать своих врагов. Вы, русские, не верите ни в Аллаха, ни в Христа.

– А ведь Бог есть, – мрачно сказал Билюнас.

Террорист снова засмеялся. У Меджидова начался нервный тик, а Билюнас, более не сказав ни слова, продолжал напряженно всматриваться вперед.

Они проехали еще километров десять, пока террорист, все время прикладывающийся к термосу, не взмолился:

– Остановите, я выйду немного отлить.

Билюнас резко затормозил, и палестинец побежал к дереву, стоявшему прямо у дороги.

– Он что-нибудь еще сказал? – спросил сквозь зубы Билюнас, не поворачивая головы.

– Говорит, что это приятно, мерзавец. Убили и жену, и детей этого офицера, – зло сказал Меджидов, – будь проклята наша работа и весь мир.

Паулис посмотрел в ту сторону, куда ушел палестинец и почему-то достал пистолет.

– С ума сошел? – спросил изумленный Меджидов. – У нас приказ доставить этого негодяя живым.

– Верно, – Билюнас хладнокровно проверил оружие, – но мы его не сможем спасти. Мы его не доставим в Москву, – убежденно сказал он, – никто не дает права убивать детей. И мы его не имеем права спасать.

Меджидов вдруг понял, что спорить бесполезно.

Террорист, радостно повизгивая, бежал к машине, когда Билюнас поднял свой пистолет. С расстояния пяти метров промахнуться невозможно. Палестинец не успел даже испугаться и с радостным выражением лица упал на песок. Потом они долго ехали и молчали.

– Мне подать рапорт? – наконец произнес Билюнас уже на рассвете, когда они подъезжали к городу.

Меджидов молчал.

– Иди ты к черту, – наконец выдавил он.

– Мы коммунисты, – убежденно сказал Билюнас, – мой отец погиб в апреле сорок пятого в Вене. Я его никогда не видел. Неужели он погиб за этого подонка? Не хочу верить.

– Мы не выполнили приказа, – вздохнул Меджидов, – теперь нужно придумать подходящее объяснение.

– Бог все-таки есть, – убежденно сказал Паулис, – этот человек не имел права ходить по земле. Он был обречен.

Больше они никогда не говорили об этом. И никогда не вспоминали этого террориста, убитого на холмах Эш-Шара.

Вспоминая теперь об этом, Меджидов в который раз подумал, что аккуратный, предусмотрительный Паулис никогда не устраивал бы истерических полетов с двенадцатого этажа, если бы не произошло нечто исключительное. Или его выбросили другие? Второе было больше похоже на истину.

В это время в специальном морге бывшего Комитета государственной безопасности СССР, а ныне реанимационном отделении новой российской Федеральной службы контрразведки, генералы Вадим Георгиевич и Николай Аркадьевич пытались ответить на мучающий их вопрос – откуда убийцам стало известно о приезде в Москву майора Корина? Если предположить, что кто-то мог прослушать телефоны в засекреченном Центре ФСК, значит, в их государстве действует еще одна, более компетентная служба безопасности, чем их собственная. Это признавать было невозможно. Но и не признавать очевидного факта они не могли. Оба генерала, осунувшиеся и как-то сразу постаревшие, понимали – подозрения падут именно на них, имевших основной контакт с руководителем группы «О».

Корин приехал на поезде, в сопровождении группы ФСК, и поначалу все шло как нельзя лучше. В Тулу лететь было совсем недалеко, и группа была на месте через час после полуече-

ния сообщения. Рано утром, когда поезд отходил в Москву, трое сотрудников ФСК вошли с Кориным в вагон, при этом один из них сел прямо напротив контролируемого объекта. В Москву они прибыли вовремя. И Корин, выйдя из вагона, даже зашел в буфет позавтракать. Двое сотрудников стояли рядом с ним, и одна из них – молодая женщина – даже передала ему свою соль. Видимо, эта обыденность происходящего несколько успокоила сотрудников и, когда Корин вышел на привокзальную площадь, никто из них не оказался непосредственно рядом с ним.

Когда неизвестный «Шевроле» резко затормозил и раздались выстрелы, стоявший в пяти метрах от Корина сотрудник ФСК успел только сделать два шага и толкнуть уже падающего Корина. Другие не успели даже достать пистолеты. Правда, при выезде «Шевроле» с площади один из подстраховывающих сотрудников успел сделать три выстрела по автомобилю, но они только усилили общую панику.

Выслушивая эти донесения, Вадим Георгиевич все время вытирал большим платком обильно потевшую большую теменную лысину. Ему было уже под шестьдесят, и при переаттестации сотрудников ФСК некоторые даже намекали ему на его возраст. На Николая Аркадьевича вообще невозможно было смотреть без сострадания. Молодой генерал понимал, что его блестящая карьера может рухнуть в связи с этими событиями, и с ужасом представлял себе, что его ждет при разборе этих происшествий. Высокий, красивый, мордастый, с густой каштановой шевелюрой, он нравился женщинам. А занимаемая им должность делала его значительнее в собственных глазах, придавая абсолютную значимость и убежденность его поведению.

– Мы должны установить, каким образом произошла утечка информации, – тихо предложил Вадим Георгиевич, – нужно быстро, без лишнего волнения составить список всех сотрудников, знавших или слышавших о приезде Корина.

– Уже составили, – Николай Аркадьевич вытащил бумагу, – здесь все, кто мог даже случайно узнать.

– С кого начали? – бесцветным голосом поинтересовался старший генерал.

– Простите, Вадим Георгиевич, с вас, – виновато развел руками Николай Аркадьевич.

– Директор ФСК. Он тоже был в курсе, – устало напомнил Вадим Георгиевич.

– Вы его подозреваете? – изумился молодой генерал.

– Нет, но он сам просил включить его в список. Чтобы все поняли – никаких исключений. Значит, мы трое, четверо сотрудников технического управления, трое из аналитического, знавшие о наших поисках, трое оперативников, привозивших Меджидова. Этих можно смело исключить, они ничего не знали о приезде Корина. Четверо членов группы, наблюдавших за Кориным. Этих нужно проверять особенно тщательно. Как, впрочем, и всех остальных. Может, у кого-то были контакты с Кориным еще до нашего расследования.

– Мы проверяем, – кивнул его собеседник.

– Это дело принципа, нашей профессиональной чести, – вспомнил слова Директора ФСК Вадим Георгиевич, – иначе нас просто выгонят из органов, как зарвавшихся дилетантов. Как идет поиск подполковника Сулакаури?

– Пока ничего.

– Задействуйте всех свободных сотрудников. Московское управление уже о нем знает. Свяжитесь с ними для более тесного контакта. Что с остальными?

– С Подшиваловым тоже... накладка, – сумел выдавить Николай Аркадьевич.

– Это я уже понял по вашему лицу. Что там случилось?

– Он позвонил домой. И жена сказала ему, что звонил Кямал. Мы сумели установить, из какой гостиницы Махачкалы был звонок, но когда туда прибыла наша оперативная группа, его там уже не было. А ведь наши люди прибыли на место через минут пятнадцать-двадцать после звонка.

– Думаете, нас опять кто-то опередил?

– Невозможно, товарищ генерал. Дежурная видела, как Подшивалов быстро уходил сам. Даже сдал ключи от номера. Нет, тут что-то не так. По-моему, это был условный сигнал. Услышав имя Меджидова, он должен был немедленно скрыться. Что он и сделал. В этом нет никаких сомнений.

– Думаете, Кямал Меджидов ведет с нами двойную игру? – понял его намек Вадим Георгиевич.

– Все может быть. Уж слишком легко и быстро он согласился выдать всех своих сотрудников. За этим кроется какая-то тайна. Наши аналитики, изучив структуру личности Меджидова, пришли к выводу, что он так просто не может сдать своих людей. Он постарается сам выйти на убийц Коршунова и Билюнаса. Это его стиль. Он более замкнут, чем нам показалось вначале. Аналитики считают, что в его беседах бывает двойной, часто даже тройной пласт.

– Интересная информация, – оживился Вадим Георгиевич, – как всегда, самое важное вы оставляете на конец.

– Да, – немного торжествующим голосом сказал Николай Аркадьевич, – более всего наши аналитики убеждены, что Меджидов передал какую-то информацию в разговоре с Теймуразом Сулакаури. Прямо в нашем присутствии. Анализ текста позволяет почти с абсолютной гарантией говорить о зашифрованном сообщении. Эти разговоры о самолетах и погоде имели свой подтекст.

– И после этого разговора Сулакаури исчезает в депутатской комнате Домодедова, – понял вдруг Вадим Георгиевич, – нужно будет еще раз погонять наших аналитиков и, главное, быстро допросить Костенко. Здесь что-то не так.

Глава 3

Теймураз осматривал улицу уже в пятый раз. Ничего подозрительного не было. Он наконец решил и, быстро пройдя через двор, зашел в подъезд одного из многоэтажных домов. Затем бегом поднялся на пятый этаж. Лифт вызывать не хотелось, чтобы не привлекать внимание соседей излишним шумом. Достал ключ и отпер дверь. Чуть поколебался. В гостиной уже горел свет. Он захлопнул дверь, поставил свой чемодан на пол и пошел в глубь квартиры.

– Добрый вечер, Игорь Арсеньевич, – улыбаясь, произнес он с чуть заметным акцентом. Сидевший за столом человек, слышавший, как он вошел, убрал пистолет.

– Добрый вечер, Теймураз, дорогой. Сколько мы не виделись?

Они обнялись. Это был полковник Подшивалов. Маленького роста, с редкими волосами, в очках, он менее всего был похож на полковника КГБ, сотрудника одной из самых засекреченных групп специального реагирования бывшего Советского Союза.

Его внешний вид, одежда, поведение напоминали скорее бухгалтера небольшой фабрики, чем суперпрофессионала, отдавшего «Октаве» многие годы нелегкой работы. Вошедший в квартиру подполковник Теймураз Сулакаури, напротив, резко отличался от Подшивалова своей психомodelью.

Высокий, темноволосый, обладатель огромных пышных кавказских усов, он был похож на одного из тысячи разбогатевших представителей «кавказской национальности». В ресторане или за рулем дорогого автомобиля Теймураз смотрелся бы как нельзя лучше. Впечатление дополняло массивное золотое кольцо на пальце, всегда служившее Сулакаури отличной маскировкой для создания облика его психомodelи.

В укоренившийся в сознании людей стереотип профессионалов никак не вписывалось это большое золотое кольцо. И его ношение было оправдано с психологической точки зрения абсолютно. По приказу Юрия Андропова психомodelи сотрудников группы «О» разрабатывались лучшими аналитиками и психологами бывшего КГБ СССР, готовившими свои рекомендации 1-му Главному управлению, занимавшемуся в те годы внешней разведкой. Наиболее ценные рекомендации Андропов применил в группе «О», и сотрудников подбирали с учетом их вживаемости в образы психомodelей, с учетом всех психологических особенностей и конкретных деталей, точно воздействующих на подсознание.

Тогда же были разработаны и нормы конспирации сотрудников группы. Например, в квартиру, куда приехал Сулакаури, можно было попасть одновременно из двух разных домов, стоявших рядом друг с другом. Таким образом, человек, вошедший в один дом с улицы, мог выйти из другого дома, выйдя во двор и на другую улицу. Это было очень удобно, чтобы в случае необходимости оторваться от наблюдения и не привлекать излишнего внимания соседей. Просто две квартиры были соединены в одну, а стена между ними была убрана. Обе квартиры находились в крайних блоках, как бы на стыке буквы Г.

– Вы получили известие от генерала Меджидова? – спросил Сулакаури, усаживаясь за стол.

– Мне передала жена, что звонил Кямал. Это наш условный знак. Значит, я должен все бросить и быть здесь немедленно. А как он нашел тебя?

– Он мне позвонил.

– Видимо, что-то серьезное, – встревожился Подшивалов, – ведь он никогда не звонит сам.

– Да, на него вышли сотрудники ФСК России. Но он беспокоится за нашу группу. Судя по всему, кто-то интересуется нами. Он так и передал: «здесь пасмурно». За мной, видимо, следили с самого Тбилиси, но хорошо следили, я их даже не мог обнаружить. Однако в Домо-

дедове я сделал контрольный заход и выяснил, что наблюдение все-таки есть. Пришлось отрываться. Но профессионалы были отменные, честное слово.

– Здесь проверял, делал контрольные круги?

– Конечно, несколько раз. Все нормально.

– Что-нибудь Меджидов передал?

– Два телефона. Сказал, чтобы я ему позвонил. Правда, он добавил: «ты мне нужен», значит, нужно быть очень осторожным, и он сам в большой опасности. Он сказал еще несколько контрольных фраз. «Будь осторожен» – значит, найди нашу конспиративную квартиру, «ничего с собой не бери» – будь готов к любой неожиданности, ничему не удивляйся. Правда, одну фразу я не понял. Он сказал: «прилетай пораньше, все будет хорошо». Что это означает?

– Это его старый трюк. Он понимает, что разговор могут записать на пленку и попытаться расшифровать. Вот он и говорит ничего не значащие фразы, чтобы расшифровка была практически невозможной. Еще что-нибудь передал?

– «Действуй в форсированном режиме», значит, нужно найти Олега Митрофановича и Лену. А вот «действуй очень быстро» или «действуй надежно» он не сказал. Значит, Билюнас и Коршунов вне игры. Или что-то случилось.

– Видимо, пока Олег и Лена вне подозрений, – понял Подшивалов. – Нужно будет вызывать их обоих сюда. Он не говорил, что «плохо себя чувствует»?

– Нет, точно не говорил. Больше никаких сообщений. Но эти два телефона дал.

– Нужно будет выйти на встречу с ним, – предложил Подшивалов, – но не очень быстро. А вот вызвать Олега и Лену нужно немедленно. Давай звони.

Теймураз подошел к телефону, набрал номер.

– Мне нужна больница. Извините, пожалуйста. – Он положил трубку, кивнул Подшивалову, затем набрал тот же номер снова. – Извините, но мне сказали, что это больница. Да, я звоню уже второй раз. Видимо, я ошибся номером. – Он положил трубку. – Все в порядке, – она будет здесь через два часа.

– Встретишь ее на улице, – приказал Подшивалов, – обрати внимание на тот магазин, там, кажется, поменялась продавщица.

– Конечно, товарищ полковник.

– Твои фотографии могут быть разосланы по всей Москве. Мы же не знаем, что случилось конкретно. Поэтому сбрей усы, измени прическу. В общем, быстро поменяй свою психомодел. По-моему, тип 3.

– Понятно, – Сулакаури заторопился в ванную комнату. Подшивалов, перейдя в другую квартиру, тоже прошел в ванную. Через полчаса их невозможно было узнать. Сулакаури из шумного, веселого грузина вдруг превратился в какого-то хмурого, озабоченного своими проблемами типично московского жителя.

Он сбрил усы, коротко остриг волосы, специально подготовленными линзами изменил цвет глаз, сделав их светлее. Массивный перстень исчез, и теперь его место заняло скромное обручальное кольцо. Он был одет в потертое пальто, на ногах были достаточно помятые туфли. Очки придавали его лицу какое-то детское выражение. Он даже стал как будто тоньше.

Подшивалов, напротив, словно вырос. Теперь он был одет в красивый, элегантный костюм, излучая уверенность нового московского бизнесмена. Густые, красивые, чуть тронутые сединой волосы парика делали его моложе лет на десять. Супермодные очки фирмы «Кристиан Диор» дополняли это впечатление. На нем был шелковый галстук, стоивший не менее ста долларов, костюм от Валентино и туфли известной фирмы «Балли» никак не меньше, чем за триста долларов.

– Постараюсь выйти на Билюнаса и Коршунова, – озабоченно сказал Подшивалов. – Потом позвоню Олегу. Встретишь Лену, будь очень осторожен, не рискуй. Сделай контрольный круг, при малейшем подозрении иди на второй круг, пока не убедишься, что все в порядке.

Они вышли из квартиры с двух разных сторон. Подшивалов поймал автомобиль, попросив отвезти его на Главпочтамт. Рядом находилась станция междугородной телефонной связи. Разменяв деньги, он прошел в кабину. Набрал Вильнюс, телефон Билюнаса. Он подождал достаточно долго, но никто не подходил к телефону. Тогда, наконец, он повесил трубку. Затем, набрав код Санкт-Петербурга, позвонил Коршунову.

В этот момент в Московском отделении ФСК, в техническом отделе, где прослушивалось большинство телефонных разговоров по городу, включился сигнал на прослушивание.

– Внимание, срочное сообщение, – передал дежурный техник, – на контрольный объект кто-то звонит.

– Внимание по всем линиям, – передал второй техник, – просьба срочно установить, откуда идет звонок.

– Говорит дежурный по управлению, – передал старший техник, – просьба максимально задействовать все находящиеся резервные группы. Зона «А-С».

– Простите, – начал Подшивалов, – я только недавно вернулся из Индии. Можно будет попросить к телефону Павла Коршунова?

– Кто это говорит?

– Это его старый товарищ из Москвы.

– Срочное сообщение зоне «А-С», – передал дежурный, – установлено, откуда идет телефонный звонок. Контрольный объект находится на междугородной телефонной станции у Главпочтамта.

– Внимание всем группам...

– Группу «С» на выезд...

– Блокировать центр города...

– Оперативное наблюдение, внимание всем дежурным, подключение к соседним автоматам...

– Павел умер, – раздался глухой голос женщины.

– Извините меня... когда это произошло? – спросил ошеломленный Подшивалов.

– Почти месяц назад. Его взорвали в автомобиле. Настоящие звери, – заплакала женщина.

– Примите мои искренние соболезнования, – негромко произнес Подшивалов, быстро вешая трубку.

– Группа уже на Тверской. Особое внимание. Блокировать всю улицу. Задерживать всех подозрительных. Предполагаемые данные говорившего – среднего роста, лысоват, в очках, хромот, лет под пятьдесят. Как поняли?

– Все поняли, блокируем станцию. Группа уже на месте.

Оперативники ФСК ворвались в здание, когда Подшивалов уже поднимался мимо дома Союза композиторов к Моссовету. Через пять минут, поймав попутную машину, он, сделав круг, снова проехал мимо телефонной станции, обратив внимание на заметное оживление у ее дверей и стоявшие рядом несколько автомобилей ФСК.

Развернув автомобиль, он подъехал к гостинице «Москва» и, показав удостоверение сотрудника МВД, прошел внутрь. В холле гостиницы стояли междугородные телефоны. Войдя в одну из кабин, он быстро набрал код Киева, нужный ему номер и попросил к телефону Олега Ковальчука. Подполковник Ковальчук был сотрудником группы «О», не известным никому, кроме ее членов. Еще через пять минут Ковальчук, получив инструкции, уже знал, что ему надлежит делать.

В оставленной конспиративной квартире загорелся свет. Сделав несколько контрольных проверок, туда пришли Сулакаури и майор Елена Сулова, также не известная ФСК член группы «О». Тридцатидвухлетняя Сулова была преподавателем по профессии. После окончания высшей школы КГБ она попала в группу «О» как необходимая психомодель для выполнения каких-то сложных заданий. Она была незаменима в тех случаях, когда нужно было подойти к контролируемому объекту вплотную, оставить подслушивающее устройство, мину или незаметно уколоть «клиента». В некоторых случаях такие уколы вызывали сон, в некоторых – безболезненную смерть.

По структуре своей личности и внешним данным она легко могла превращаться в зрелую женщину неопределенного бальзаковского возраста и в почти хулиганствующего подростка, одетого в джинсы и спортивную куртку. Она появилась в группе «О» шесть лет назад и смогла работать на равных с профессионалами высочайшего класса, какими были остальные члены группы «О».

Квартира, куда они пришли, имела еще одно большое преимущество. Она была оборудована специальными скэллерами, исключающими возможность прослушивания разговоров.

– Что произошло? – спросила Сулова, едва Теймураз захлопнул за ними дверь.

– Меджидов задержан сотрудниками ФСК. Видимо, сработала линия связи, как мы и предполагали.

– Когда это случилось?

– Думаю, вчера. Он мне звонил домой.

– А как остальные члены группы?

– Пока мы не имеем никаких известий. Полковник Подшивалов поехал проверять, что с ними.

– Теймураз, ты думаешь, случилось что-нибудь серьезное? – тревожно спросила Лена.

– Пока ничего не могу сказать. Раз Кямал Алиевич позвонил сам ко мне домой, значит, случилось нечто действительно серьезное. Думаю, когда вернется Подшивалов, мы сможем узнать от него какие-нибудь подробности.

Елена Львовна Сулова попала в группу после окончания института иностранных языков и Высшей школы КГБ. Три года занятий в школе были отмечены в ее трудовой книжке как начало педагогической деятельности в одной из сельских школ где-то далеко на Алтае. Вместе с ней, независимо друг от друга, готовились еще две претендентки. В последний момент выбрали ее. В группу «О» она попала, будучи старшим лейтенантом, и за три неполных года получила два звания досрочно – «капитан» и «майор», отличившись в Канаде, Португалии, ЮАР. Правда, однажды она едва не загубила операцию, проводившуюся в ЮАР. По легенде, Меджидов и Сулакаури – богатые латиноамериканские бездельники – должны были проводить свое время в Претории, в лучших гостиницах города. И в качестве атрибутов роскошной жизни им были выписаны две красавицы из Швеции на должности «секретарей», сопровождавших состоятельных клиентов.

В тот год Советское правительство приняло решение более активно выйти на рынок алмазов, контролируемый южноамериканскими корпорациями, и группа получила специальное задание по вербовке одного из вице-президентов компании. Сулова полетела тогда с ними как их переводчик. Она не скрывала своего возмущения поведением партнеров. Правда, это укладывалось в рамки ее психомодели, но Теймураз подозревал, что Лена была равнодушна к Меджидову, обнаруживая слишком явные личные пристрастия.

Оба офицера исправно отрабатывали необходимые трюки, заказывали самое дорогое шампанское, купались с голыми девицами в роскошных бассейнах, сорили деньгами, не считаясь с расходами. Шведские дамочки, профессиональные проститутки, работающие по вызову, правда, были в тягость и Меджидову, и Сулакаури. Но положение обязывало... и оба, поначалу

относившиеся к своему заданию очень ответственно, через несколько дней начали откровенно халтурить, вызывая неудовольствие своих девиц.

Правда, совсем отстраняться было нельзя, это могло вызвать подозрение, и они, имитируя бурную деятельность, запускали своих девиц в огромный бассейн в костюмах Евы. Застав их однажды в номере, Лена вся в слезах убежала к себе, и Меджидову пришлось ее долго успокаивать, объясняя это высшими интересами страны.

Вернувшись в их номер молодая женщина по-прежнему прятала глаза, стараясь не смотреть на развязных девиц. Но работу она выполняла безупречно и за эту операцию получила досрочное звание «капитана». Правда, после возвращения в СССР она еще долго возмущалась и никакие доводы не могли убедить ее в необходимости подобных упражнений.

В квартире раздался шум открываемой двери, и вошел Подшивалов. У него был встревоженный вид.

– Все очень плохо, – сказал он с порога, – убит Павка Коршунов, а нами, похоже, занимается весь аппарат ФСК. Ребята, по-моему, мы с вами попали в какую-то неприятную историю.

Глава 4

Вечером привезли Федора Костенко. Как они и вычислили, тот не имел к группе «О» никакого отношения. Он вообще впервые слышал о такой группе. Он и еще два офицера были сопровождающими генерала Меджидова в сложной афганской командировке и никогда ничего не знали об «Октаве». В августе девяносто первого он и Корин ушли в отставку, а третий офицер – Евгений Семенов – продолжал свою работу в одном из управлений КГБ, будучи профессиональным снайпером. Они втроем часто сопровождали Меджидова и в его поездках по различным «горячим точкам» бывшего Советского Союза. Проверка быстро установила, что Семенов был убит во время октябрьских событий девяносто третьего года в Москве.

Неискренность Меджидова становилась очевидной. Все вставало на свои места. Генерал Меджидов просто подсунил работникам ФСК «куклу», как на базаре опытные мошенники подсовывают пачку нарезанной бумаги доверчивым простакам. Он оказался большим профессионалом, чем они все, вместе взятые. В довершение ко всем неприятностям аналитики дали наконец квалифицированное заключение, что между Меджидовым и Сулакаури состоялась зашифрованная беседа, в которой первый обращал внимание на возможные опасности и советовал предпринять какие-то меры. Шифровальщики работали над значением каждого слова Меджидова, когда стало известно о звонке на квартиру Коршунова. Выехавшая на место группа, разумеется, ничего не нашла. И не было никаких следов Подшивалова и Сулакаури, хотя проведенная идентификация голоса подтвердила, что звонил сам Подшивалов. Таким образом, к ночи стало ясно, что Кямал Меджидов по-прежнему остается единственной ниточкой, связывающей «Октаву» с их ведомством.

Кроме того, несмотря на все принимаемые меры, до сих пор не был установлен источник утечки информации, а это значило, что их переиграли по всем статьям. Именно в таком понимании дела и, соответственно, в таком настроении Вадим Георгиевич и Николай Аркадьевич приехали на беседу с Меджидовым.

Николай Аркадьевич даже проверил предположение о том, что сам Меджидов отдал приказ о ликвидации Корина, чтобы окончательно запутать всех, но следственный эксперимент, повторенный дважды, показал, что ни Подшивалов, ни Сулакаури не могли успеть так быстро добраться до Курского вокзала из Махачкалы и Домодедова. Эксперты приняли во внимание и то обстоятельство, что после звонка Меджидова Сулакаури никому не звонил, а значит, не мог передать информацию о ликвидации, даже если таковая имелась.

Кямал Меджидов спал у себя в комнате, когда к нему вошли оба генерала. Он открыл глаза сразу, едва раздался шум в коридоре.

– Добрый вечер, – поздоровался Меджидов, приподнимаясь, – между прочим, по российскому законодательству даже заключенных в тюрьме ночью не беспокоят.

– Перестаньте паясничать, – сорвался Николай Аркадьевич, – вы боевой генерал или какой-нибудь вор в законе? Что вы водите нас за нос?

Вадим Георгиевич укоризненно покачал головой и, взяв стул, сел за стол. Непонятно было, кому он качал головой – несдержавшемуся Николаю Аркадьевичу или сумевшему так ловко провести их Кямалу Меджидову.

– Вставайте, Кямал Алиевич, – предложил он, – одевайтесь. У нас к вам беседа, не терпящая отлагательств.

Меджидов встал, надел рубашку, натянул брюки и сел за стол напротив старшего из генералов. Николай Аркадьевич остался стоять в углу, возмущенно следя за Меджидовым.

– Догадываюсь, что-то у вас случилось? – спросил Меджидов.

– Вы напрасно недооценили всю опасность положения, – мягко произнес Вадим Георгиевич, – мы были действительно озабочены безопасностью сотрудников вашей группы.

- Поэтому меня держат здесь как арестованного. Даже привезли из гостиницы мои вещи.
- Для вашей собственной безопасности. Не забывайте – мы спасли вам жизнь.
- Спасибо, но если бы я оказался на воле, я бы быстрее нашел возможных убийц. Они бы вышли на меня, а там или я... или они. Уверяю вас, это более эффективно. Кстати, я мог бы вам поверить. Убрать официанта вполне могли и ваши люди, с тем чтобы потом разыграть спектакль спасения. Наш разговор записывается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.